

ЭВОЛЮЦИЯ СЛУЖЕБНЫХ ФУНКЦИЙ ЮЖНОРУССКИХ ПУШКАРЕЙ В XVII ВЕКЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ КРЕПОСТЕЙ РЕГИОНА БЕЛГОРОДСКОЙ ЧЕРТЫ)*

П. В. Попов

*Колледж Воронежского института высоких технологий,
Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина*

Поступила в редакцию 10 февраля 2022 г.

Аннотация: рассматривается эволюция служебных функций одной из групп служилого населения Юга России в XVII в. – пушкарей. Автор приходит к выводу, что пушкари выполняли разнообразные служебные функции: это не только основная функция – обслуживание артиллерии, но и другие военные, а также полицейские, административные и хозяйственные функции.

Ключевые слова: Россия, XVII в., южное пограничье, служилое население, пушкари.

Abstract: the article discusses the evolution of the official functions of one of the groups of the service population of the South of Russia in the 17th century – the gunners. The author comes to the conclusion that the gunners performed a variety of service functions: this is not only the main function – the maintenance of artillery, but also other military, as well as police, administrative and economic functions.

Key words: Russia, XVII century, southern borderland, military personnel, gunners.

Для того чтобы лучше понять специфику развития Российского государства в XVII в., актуальным представляется изучение региональной истории и такой важной ее составляющей, как история провинциального общества.

В связи с этим нами была исследована одна из групп служилого населения общества Юга России – пушкари. Пушкари в южнорусских городах являлись довольно многочисленной группой служилых «приборных» людей, которые обслуживали артиллерию. Обычно их количество в городах равнялось количеству пушек. Иногда одно орудие обслуживало несколько пушкарей. Сразу хотелось бы отметить, что пушкари входили в состав более широкой группы служилых людей пушкарского чина. Служилые люди пушкарского чина в городах включали в себя пушкарей, затинщиков, воротников, казенных кузнецов и плотников, мастеров по производству орудий и боеприпасов, сторожей и рассыльщиков. Они несли обязательную военную и «государеву» службу. Именно эволюции служебных функций пушкарей хотелось бы уделить особое внимание в данной статье.

Начнем характеристику служебных функций пушкарей с вопросов о требованиях к поступающим

на пушкарскую службу и об обучении пушкарей. Скорее всего, четких требований и критериев не было, а когда у воевод южнорусских городов остро стояла проблема нехватки служилых людей, единственным условием поступления на службу было желание кандидата [1; 2, с. 29–31]. Однако, скорее всего, основная часть людей, поступающих на пушкарскую службу, имела определенный опыт обращения с артиллерийскими орудиями. Во-первых, часто вновь прибывшими на пушкарскую службу становились родственники пушкарей [3], которые, очевидно, перенимали опыт у своих старших товарищей [4, с. 7–9; 5, с. 86–87]. Во-вторых, даже невоенное население южнорусских городов-крепостей обязано было помогать служилым людям в случае нападения на город [6, с. 5–13].

Если говорить об обучении пушкарей на службе, то следует отметить, что информации о специально организованном, систематическом обучении пушкарей в источниках нет. Скорее всего, знания передавались от старших и более опытных пушкарей к менее опытным, только поступившим на службу товарищам [7, с. 326–328]. Кроме того, есть информация и об определенной несистематической подготовке в войсках. Например, в челобитной из Киева генерал П. Гордон в 1680 г. просил прислать ему «100 человек пушкарей добрых, кроме тех, кто служит при наряде в полках, и тех пушкарей надо пораньше учить, чтобы навывкались и примерялись к пушкарской стрельбе». И 100 человек было выделено из числа городовых

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина»

© Попов П. В., 2022

пушкарей. Кроме того, в Киеве 10 пушкарей должны были обучаться у иностранного военного специалиста инженерному, подкопному, огненному и гранатному делу [8, с. 177; 9]. Эти сообщения интересны не только самим фактом обучения, но еще и тем, что позволяют предполагать, что городские пушкари каким-то образом обучались своему делу на военной службе, иначе быстро организовать обучение по поручению генерала Гордона было бы невозможно. Эти предположения подтверждаются еще и тем, что периодически власти проводили военные смотры, в том числе устраивали артиллерийские стрельбы. Первые упоминания о таких артиллерийских стрельбах относятся к правлению Ивана Грозного [10, с. 314–315]. В XVII в. эти смотры тоже проводились. Есть упоминания о таких смотрах вплоть до 1673 г. [11, с. 380].

Внимание правительства к навыкам и умениям пушкарей подтверждается еще и развитием артиллерийской военной науки. Так, в 1621 г. увидел свет труд подьячего Посольского приказа Онисима Михайлова «Устав ратных, пушечных и других дел...». Этот труд представляет собой переработку автором достижений западноевропейской артиллерийской науки и русского военного опыта, в том числе личные замечания Михайлова. Это сочинение распространялось в рукописных списках и было хорошо известно военным специалистам XVII в., что говорит о его ценности [10, с. 317–318].

Кроме того, умения, навыки и опыт пушкари приобретали в многочисленных военных конфликтах XVII в.

Теперь хотелось бы перейти к характеристике служебных функций южнорусских пушкарей в XVII в. Довольно точно общие принципы службы пушкарей отражались в поручных записях. Например, в поручной записи лебедянских пушкарей отмечалось: «Служить ему его государеву цареву службу всякие, зимние и летние, годовые и временные, походные и где его государь царь пошлет на свою службу» [12, с. 320–322]. В рассматриваемый период пушкари несли два основных вида службы: службу городскую и службу полковую [13, с. 70]. Причем, как правило, все пушкари разделялись на несших городскую и полковую службу, после чего происходила смена [8, с. 178].

Если говорить о городской службе, то здесь главной обязанностью пушкарей было обслуживание городской артиллерии. Воеводам южнорусских городов приходили указы [14], согласно которым, воеводы должны были распределить пушкарей и местных жителей у городской артиллерии, чтобы в случае осады каждый знал свое место. Воеводы распределяли служилых людей и жителей городов и составляли особые осадные росписи. Пушкари расписывались по 2 человека у орудия, несли около них поочередно

караулы, следили за их исправностью. Обслуживать наряд во время сражений за город пушкарям помогали «поддатни» из числа родственников служилых людей и других горожан, в том числе из гражданских лиц (торговцы, ремесленники, крестьяне, церковнослужители и т. д.). Думается, что они обучались артиллерийскому делу и в случае необходимости могли заменить выбывших пушкарей во время сражения [15, с. 74–76].

Городовой наряд, организованный таким образом, действовал довольно эффективно, что подтверждается сохранившимися свидетельствами обороны южнорусских городов. В 1617–1618 гг. произошло обострение отношений с Речью Посполитой, в связи с чем польско-литовские отряды нанесли ряд ударов по южной окраине России. В феврале 1617 г. пятитысячный польско-литовский отряд напал на Воронеж. Воронежцы, несмотря на численное превосходство врага и наличие у него артиллерии, не только смогли отбить два штурма города, но и совершили ряд контратак и заставили польско-литовский отряд отступить. Не последнюю роль в героической обороне Воронежа сыграла артиллерия. Врагов встретил плотный пушечный огонь [16, с. 46–48]. Летом 1633 г. во время Смоленской войны черкасы попытались захватить Белгород. Штурм города был отбит, причем наибольший урон противнику был нанесен артиллерией: пушечным огнем было убито 365 человек. Летом 1634 г. гарнизон Белгорода был сильно ослаблен предшествующими боевыми действиями, а черкасы неожиданно появились под стенами города. Нападавших было около 7 тысяч человек. И вновь наибольший урон нападавшим был нанесен артиллерией: с ее помощью было уничтожено 250 человек [17, с. 155–157, 159–162]. Это далеко не полный перечень примеров, когда успешные действия артиллерии решали исход сражения.

Кроме того, непосредственная служба пушкарей, связанная с обеспечением функционирования наряда, включала участие в ремонте артиллерийских орудий; изготовление пороха и фитилей [18, с. 255]; участие в производстве орудий и боеприпасов в Москве, Туле и других городах (практика посылки городских пушкарей на производственные работы прекращается только во второй половине XVII в.); получение в арсеналах новых орудий и обеспечение их доставки в города [19, с. 414–416].

Кроме того, пушкари выполняли ряд военных функций, не связанных напрямую с обслуживанием городской артиллерии, например, стояли в карауле у крепостных строений, городских ворот и казенных погребов с различными военными запасами [13, с. 84].

Также пушкари выполняли ряд полицейских и административных функций. К полицейским функ-

циям можно отнести караул у тюрем; присмотр за «тюремными сидельцами»; конвоирование осужденных; участие в поимке преступников [20, с. 101–103; 21]; участие в сборе служилых людей на военные действия, в том числе выявление тех, кто уклоняется от военных сборов («иметь нетчиков»); помощь губным старостам в осуществлении их функций по борьбе с преступностью [22]; охрана должностных лиц [16, с. 132]; помощь сыщикам, посылаемым для расследования тех или иных дел [23, с. 56–58]; участие во взыскании неуплаты по налогам и сборам [24], служба «в пыточных мастерах», а также посылки с воеводскими отписками [25].

Если говорить о выполнении административных функций, то к ним можно отнести помощь писцам при составлении писцовых и межевых книг [26; 27, с. 52]; служба целовальниками при таможне [28], кабаке [29], житнице [30, с. 132], зелейной и свинцовой казне [31], пушечных запасах [32, с. 92–100]; служба подьячими в приказных избах [7, с. 323].

Также пушкари в рамках своих служебных обязанностей привлекались к строительству и починке крепостей [33], отправлялись на различные работы (например, в Старом Осколе в 1668 г. пушкари высылались «к железному делу» в Новый Оскол и на Торские соляные озера «к государеву соленому варенью») [27, с. 158].

Пушкари не всегда несли городовую службу в своем городе. Их могли отсылать временно или постоянно на службу в другие города и крепости [34]. Например, по грамоте царя Алексея Михайловича от 17 октября 1658 г. воеводе Воронежа Ивану Яковлевичу Кушалеву было «велено Воронежских пушкарей и затинщиков, выбрав добрых и прожиточных и семьянистых пяти человек, выслать к Нам, Великому Государю, к Москве на вечное житье в Московские пушкари...» [4, с. 56–57]. В 1643 г. пушкари города Усерда служили попеременно понедельную службу в близлежащих стоялых острогах: Раздорном и Осинном [32, с. 190].

Кроме службы при городской артиллерии, пушкари несли службу при полковом наряде во время военных походов. Во время сбора войска в Пушкарский приказ из Разряда посылались памяти с запросом, какое число городских пушкарей будет направлено к полковому наряду. Пушкари присылались для прохождения полковой службы из различных городов. Например, во время Крымского похода 1687 г. при наряде служило 136 пушкарей из 10 городов Белгородского полка [8, с. 177]. При полковом наряде было велико значение пососных людей (мобилизованных гражданских лиц), которые помогали пушкарям. Пешие и конные пососные люди выполняли работы по перевозке орудий и боеприпасов, помогали обслуживать орудия (установка орудий, поднос ядер и т. д.)

[7, с. 323]. Часто число мобилизованных пососных людей было довольно значительным [10, с. 263].

Как видно из приведенных данных, служебные функции пушкарей были разнообразными и, очевидно, довольно тяжелыми [35]. В связи с этим нередко были случаи бегства пушкарей со службы [36] («не хотя службы служить и струговых поделок делать и податей платить» [2, с. 285]). Пушкари, как и другие служилые люди, могли уходить со службы в другие города и там попытаться вновь поступить на службу, чтобы получить государственное жалованье [37]; могли уходить к казакам на Дон [38]; записываться в крепостное состояние в уезде и заниматься земледелием и т. д. Правительство пыталось бороться с бегством пушкарей и других служилых людей со службы. Воеводам отправлялись строгие наказания искать беглецов, наказывать их и возвращать на службу [39]. Иногда это удавалось. Например, в марте 1659 г. из Москвы в Белгород были направлены «на вечное житье» 183 донских казака. Однако на пути в Белгород, в Карпове, местный воевода задержал нескольких казаков и посадил в тюрьму, по поводу чего прибывшие в Белгород казаки подали белгородскому воеводе челобитную. В результате рассмотрения челобитной выяснилось, что задержанные «наперед сего были в Карпове в пушкарской службе, и те, свои службы покиня, написались в донские казаки». В Москве было принято следующее решение: задержанных в Карпове казаков вернуть в пушкарскую службу, а белгородскому воеводе провести расследование и, если подобные случаи вскроются еще, то отсылать таких людей в прежнее сословное состояние [23, с. 148–149].

Служба пушкарей, как неоднократно подчеркивалось в документах XVII в., была «вечной», т. е. до конца жизни [10, с. 249]. На службу поступали лица, достигшие восемнадцатилетнего возраста, а отставку оставшиеся в живых служилые люди могли получить или в преклонном возрасте («за старостью») [40], или из-за ранений [18, с. 255]. Кроме того, служба прекращалась в связи с попаданием в плен. По свидетельствам Котошихина, уволенные со службы из-за ран люди, которым «прокормиться нечем», находили приют в монастырях. Раненых бесплатно лечили доктора, а за ранение служилые люди получали награду [41, с. 114]. Если говорить о попадании в плен, то участь пленников была незавидная, особенно если это был татарский плен. Крымчаки продавали русских пленников в рабство в самом Крыму, в Турцию и другие страны. Вернуться назад пленник мог только за большой выкуп. Например, в 1640-е гг. русские посланники Караулов и Акишев договорились дать «окупу» за воронежского пушкаря и крупного торгового человека П. Прибыткова 100 рублей. Кроме того, сам Прибытков позже, на размене, должен был заплатить

еще 600 рублей [42, с. 436]. Возвратившиеся из плена служилые люди подавали о себе информацию воеводам южнорусских городов, сообщали различную информацию о татарах и довольно часто отправлялись в Москву, чтобы обратиться к государю о награде за «выход из полоняничного сиденья». Как правило, правительство было благосклонно к вернувшимся из плена служилым людям и возвращало жалование с «наддачей» [43, с. 34].

Таким образом, служебные функции пушкарей были довольно разнообразными: это не только обслуживание артиллерии, но и выполнение других военных, а также полицейских, административных и хозяйственных функций. Служба пушкарей была достаточно тяжелой, о чем свидетельствуют случаи оставления службы. Однако хотелось бы отметить, что пушкари в основном добросовестно исполняли свои служебные обязанности и славились как искусные воины. Например, иностранцы, побывавшие в России, были высокого мнения о русской артиллерии XVII в. Шведский посланник Эрик Пальмквист писал, что у русских очень много хороших пушкарей, которые никогда не делают промахов [44, с. 262].

ЛИТЕРАТУРА

1. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 333. – Л. 166–169, 399–201.
2. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний / изд. М. Ф. Де-Пуле. – Воронеж, 1861. – Кн. 1.
3. РГАДА. – Ф. 1470. – Оп. 1. – Д. 225. – Л. 1–3.
4. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова : в 3 кн. / собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. – Воронеж, 1853. – Кн. 3.
5. *Ключевский В. О.* История сословий в России : полный курс лекций / В. О. Ключевский. – Минск, 2004.
6. Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губернии) в XVI–XVIII столетии, собранные в разных архивах и редактированные Д. И. Багалеем. – Харьков, 1886.
7. История отечественной артиллерии : в 5 т. Т. I. Артиллерия русской армии эпохи феодализма. Книга I. Артиллерия русской армии в период возникновения и развития феодализма (IX–XVII вв.) / отв. ред. С. С. Варенцов. – М., 1959.
8. *Левыкин А. К.* Русские городовые пушкари второй половины XVII века / А. К. Левыкин // Вопросы истории. – 1985. – № 3.
9. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 987. – Л. 276–278.
10. *Волков В. А.* Войны и войска Московского государства / В. А. Волков. – М., 2004.
11. Книги разрядные, по официальным оных спискам изданные с высочайшего соизволения II отделением Собственной Е.И.В. Канцелярии : в 2 т. – СПб., 1853. – Т. I.
12. Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. – СПб., 1838.
13. *Беляев И. Д.* О русском войске в царствование Михаила Федоровича и после его, до преобразований, сделанных Петром Великим / И. Д. Беляев. – М., 1846.
14. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 19. – Л. 5–20.
15. Грамота оскольскому воеводе 1623 года // Беляев И. Д. О сторожевой, станичной и полевой службе на польской Украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. – М., 1846.
16. *Глазьев В. Н.* Очерки истории города Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI – XVII веках / В. Н. Глазьев. – Воронеж, 2018.
17. *Папков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой (конец XVI – первая половина XVII в.) / А. И. Папков. – Белгород, 2004.
18. *Епифанов П. П.* Войско. Оружие / П. П. Епифанов // Очерки русской культуры XVII века : в 2 ч. Ч. 1. Материальная культура. Государственный строй / под ред. А. В. Арциховского. – М., 1979.
19. Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией : в 4 т. – СПб., 1867. – Т. X.
20. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. – СПб., 1836. – Т. III.
21. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. И-182. – Оп. 4. – Д. 3. – Л. 5.
22. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 6. – Д. 67. – Л. 2.
23. *Куц О. Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667 гг.) / О. Ю. Куц. – СПб., 2009.
24. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 348. – Л. 7–11.
25. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 350. – Л. 271–273.
26. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 1045. – Л. 133–135, 335, 338.
27. *Миклашевский И. Н.* К истории хозяйственного быта Московского государства. Ч. I. Заселение и сельское хозяйство южной окраины XVII в. / И. Н. Миклашевский. – М., 1894.
28. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 2. – Д. 29. – Л. 1–6.
29. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 10.
30. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова : в 3 кн. / собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. – Воронеж, 1851. – Кн. 1.
31. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 331. – Л. 14–15.
32. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частью Азова : в 3 кн. / собр. и изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником. – Воронеж, 1852. – Кн. 2.

33. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 328. – Л. 267–274.
34. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 117. – Л. 172–179.
35. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 233. – Л. 27, 30–31.
36. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 1022. – Л. 20–21.
37. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 135. – Л. 367.
38. ГАВО. – Ф. И-182. – Оп. 2. – Д. 45. – Л. 3–4.
39. РГАДА. – Ф. 210. – Оп. 12. Стб. Белгород. ст. – Д. 481. – Л. 459–460.
40. РГАДА. – Ф. 1470. – Оп. 1. – Д. 224. – Л. 1–3.
41. *Котошихин Г.* О России в царствование Алексея Михайловича / Г. О. Котошихин. – СПб., 1884.
42. *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. / А. А. Новосельский. – М.; Л., 1948.
43. Царские грамоты на Корочу воеводам // Чтения в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. – М., 1859. – Кн. 2.
44. Заметки о России, сделанные Эриком Пальмквистом в 1674 году / подготовка, адаптация текста на современный шведский язык: Э. Лёфстранд, У. Биргегорд и Л. Нордквист; перевод на русский язык Г. Коваленко. – М., 2012.

Колледж Воронежского института высоких технологий, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина
Попов П. В., преподаватель
E-mail: popov.pavel.94@mail.ru

College of the Voronezh Institute of High Technologies, Yelets State University named after I. A. Bunin
Popov P. V., Lecturer
E-mail: popov.pavel.94@mail.ru